

Анатолий Ехалов

ДЕВЯТЬ ИЗБ В СУМЕРЕЧНОМ ПОЛЕ

Повести и рассказы из книги дорог

Анатолий Ехалов

**Девять изб в сумеречном поле.
Повести и рассказы из книги дорог**

«Издательские решения»

Ехалов А.

Девять изб в сумеречном поле. Повести и рассказы из книги дорог
/ А. Ехалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905162-2

Приключенческие повести о людях, живущих вдали от городов в согласии с природой и совестью, о любви, которая «движет солнца и светила...»

ISBN 978-5-44-905162-2

© Ехалов А.
© Издательские решения

Содержание

Рождение огня	6
Глава 1. Дом на угоре	6
Глава 2. Бегство	11
Глава 3. Ночь на реке	14
Глава 4. У рыбаков	16
Глава 5. В тайге	22
Глава 6. Таежная деревня	24
Глава 6. Анютка	27
Глава 7. Лукьянов кордон	31
Глава 8. На кордон пришла зима	34
Глава 9. Стальной соперник	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Девять изб в сумеречном поле Повести и рассказы из книги дорог

Анатолий Ехалов

© Анатолий Ехалов, 2018

ISBN 978-5-4490-5162-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рождение огня

Глава 1. Дом на угоре

Васька лежал на траве, смотрел на высоко плывущие облака и размышлял. О многом думалось ему. Вот, например, смог ли бы он выжить на природе. Один. Без помощи взрослых.

Васька представил себя сильным и взрослым, представил как он воюет на фронте вместе с отцом, как они вместе идут в бой, как самолет отца прошивает вражеский снаряд, и как Васька спасает его, вытаскивая с немецкой стороны через линию фронта... Потом вместе с отцом возвращаются они в родной дом на берегу полноводной реки, умываются вместе, фыркая под умывальником, и как мама подает им большое махровое полотенце. А рядом с мамой... В этом месте сердце Васькино наполнилось щемящей радостью...

Рядом с мамой была она – Васькина невысказанная любовь – девочка Лариса с распахнутыми небесной голубизны глазами, тяжелой русой косой до пояса и ласковым мягким голосом... Она жила с Васькой в этом детдоме, они вместе ходили в школу, вместе сидели за обеденным столом, вместе работали на огороде...

Когда она проходила мимо, Васькино сердечко замирало в сладостной истоме, и казалось Ваське, что ради ее, ради этой воздушной, неземной девочки, он готов совершить самый отчаянный, самый безрассудный поступок вплоть до самопожертвования.

Но об этом не знал никто, тем более сама девочка Лариса. Признаться в любви было выше Васькиных сил. Но однажды стояли они рядом на школьной линейке, и нечаянно руки их коснулись. Ваську словно пронзило всего электрическим током. Но он не убрал руку. Не убрала и Лариса. Больше того, пальцы их сплелись и согрелись общим теплом.

Все линейку простояли они рука в руку, словно бы слившись воедино. Васька был на седьмом небе от счастья. Но вот слова у Васьки застредали в горле, когда он пытался поговорить с Ларисой. Так и жил он в своих сладостных мучениях невысказанных чувств. И лишь один человек знал о Васькиных страданиях, и этого человека Васька ждал сегодня у своего костра.

...На угоре в детском доме началось движение, зазвенели голоса и утренний прохладный воздух наполнился энергичными чудными звуками трофейного немецкого аккордеона. Это играл Виктор Акимович и, вторя голосу аккордеона, пел весь их детдом:

«Ну-ка солнце ярче брызни, Золотыми лучами обжигай! Эй, товарищ, больше жизни! Поспевай, не задерживай, шагай!»

Песня звучала согласно и дружно. Васька тоже не удержался, вскочил и принялся маршировать, подхватив песню, которую пели его друзья:

«Что бы тело и душа, Были молоды, были молоды! Ты не бойся ни жары и ни холода! Закаляйся, как сталь!»

Козы, овцы, телята и коровы, пасшиеся на лугу, бросили есть траву и недоуменно уставились на своего командира, весело марширующего на лугу и поющего задорную песню. Они тоже, может быть, подхватили бы ее, если бы умели говорить и петь. А с угора катилось дружно:

«Физкультура ура и будь здоров! Когда настанет час бить врагов, Со всех сторон ты их отбивай! Левый край, правый край! Не зевай!»

Скоро зарядка кончилась, дети ушли с улицы, а Васька приложив козырьком руку ко лбу стал выглядывать: не бежит ли кто в его сторону от детского дома. И верно, с угора к реке в припрыжку бежал мальчишка, направляясь в их сторону.

– Колька! Покачев! Я тут! Беги сюда скорее! – Васька радостно запрыгал и замахал призывно руками.

Колька Покачев – ровесник Васькин. Только росточком поменьше, волосы потемнее, глаза с прищуром... Мальчишки, подхватив Васькину котомку, припустили бегом, только засверкали пятки, туда, где к высокому берегу реки подступали густые заросли ивняка.

Васька первым скатился по откосу к реке. Прямо над ним темнел в песчаном берегу вход в землянку, прикрытый спускающимися ветками ивняка, так, что постороннему вряд ли можно было отыскать эту ребячью ухоронку.

Отодвинув ветки, ребята проникли внутрь просторной землянки. Если стоять в ней надо было согнувшись, то сидеть и лежать было хорошо и свободно. Стены и потолок были зашиты разнокалиберными досками. По бокам землянки были сделаны лавки и стол, у входа стояла прогоревшая в нескольких местах, но все еще пригодная к делу железная печь буржуйка, должно быть выброшенная рыбаками с катера. Ребята зажгли лучину и уселись на лавки.

Дел в мальчишеском хозяйстве не переделать.

Коля извлек из-под лавки вышитый зеленой каймой кожаный мешок, перетянутый сыромятной кожей, развязал его. Родовой бубен был в его мешке сверху. Коля поднял его над головой, ударил в тугую кожу рукой. Бубен отозвался, но голос его был глухим и неясным.

– Однако отсырел! Вот когда этот бубен согреет женщина в красном халате, тогда он заговорит. Шаман с бубном любую хворь из человека выгонит. Я сам видел.

– Женщина? В красном халате? — Удивился Васька, непроизвольно оглядываясь.

– Так у нас огонь называется. Он живой. К нему надо бережно, уважительно относиться, иначе может беда случиться. – Отвечал Покачев.

Бубен лег на стол. Вслед за ним из мешка появился на свет охотничий вогульский нож в кожаных ножнах. Коля вытащил сверкнувшую в неверном свете лучины сталь и вздохнул глубоко. – Этот нож из поколения в поколение передается. Теперь он мой, а я его своему сыну должен передать. Этот нож во всем помощник. И на охоте, и на рыбалке, и в хозяйстве. Но им нельзя пролить кровь другого человека.

– Даже если другой человек хочет тебя убить? – Васька был поражен. – Даже если это Гитлер?

Покачев задумался.

– У нас нет между людьми вражды. У нас всего всем хватает: и земли, и тайги, и оленей. И рыбы в озерах, и муксуна в реках... Надо помогать друг другу, зачем убивать? Так всегда в нашем роду Щуки делалось.

Теперь Васька был озадачен словами друга. Если бы все любили друг друга, помогали, друг другу, то откуда же тогда взялась бы смертельная вражда? Тогда бы не было ни Гитлера, ни Муссолини, тогда бы отцу Васькиному в страшном бою не пришлось бы сложить голову за Родину, за Ваську и маму его, за миллионы таких вот детей, которые сами не в силах себя защитить...

Может быть, вогулы какой-то совершенно другой народ. Не такой, как все?

– Так что же, получается, если ваш род произошел от Щуки, так ваши предки из озера что ли вышли? – Спросил обескураженный Васька. – Мы же проходили в школе, что все люди от обезьян произошли.

– Так мне дедушка говорил. Мы много, много лет, этого уже никто и не помнит, живем, на берегу своего родового озера. Он говорил, что щука нашему роду жизнь дает.

– А разве не олень? – Удивился Васька. – Вогулов всегда с оленями изображают. Да еще с собаками.

– Одни рода от горноста я произошли, другие от оленя, третьи от куропатки. Наш – от щуки. А вот ты когда-нибудь наш хлеб пробовал?

– Эка невидаль, хлеб, он хлеб и есть.

– Не, Васька, Наш хлеб особенный. Он из щучьей икры делается. Я тебя как-нибудь по весне таким хлебом угощу. И щукой нашего приготовления. У нас ведь все без соли готовится.

– Без соли? Без соли невкусно.– Усомнился Васька.

– А вот увидишь! – Возразил горячо Колька. – Пальчики оближешь! Он вытряхнул содержимое мешка на стол.

Тут были в основном рыбацкие снасти: лески, крючки, поплавки, поводки.

– Ты меня ухой угостил, я тебя угощу щукой. Я видел, здесь в устье ручья щука мелочь гоняет. Сейчас только снасть сделаю.

Коля принялся терпеливо привязывать к лесам поводки и крючки.

– Я Васька все равно вернусь к себе на озеро. Мне сон был, что надо на озеро возвращаться. Родственники ждут. Они пришли на озеро, а там никого. Говорят, ты Николай, главный теперь в роде Щуки, тебе за озеро ответ держать.

Вот только припасы соберу и пойду. Сначала на лодке поплыву, потом тайгой пойду. Нельзя, чтобы наше озеро осталось без хозяина. Я чум поставлю, олешек заведу, собак. Потом женюсь, детей стану растить... Хочешь пойдем со мной! Два чума рядом будет. Вместе станем рыбу ловить, куницу добывать, соболя... Тебе жену высватаем, – совсем, как взрослый заговорил маленький Покачев.

– Мне, Коля, навсегда нельзя. Я маму жду. – Удрученно отвечал Васька, опустив русую головушку. – И еще почему, ты знаешь!

– Я тебя понимаю, тебе насовсем нельзя. Но ты ко мне будешь приезжать в гости!

– На оленях, – оживился Васька. – Или на собаках.

– Я тебя на собачьей упряжке приеду встречать.

– А как ты узнаешь, что я еду? Ведь в стойбище почты нет, Кто телеграмму доставит?

– К тому времени у нас будут рации. Я видел у геологов. В такую черную трубочку говоришь, а слышно за сто километров...

Теперь Васька вытащил из-под своей лавки деревянную шкатулку. Здесь хранилось самое сокровенное его достояние. Фотокарточка отца с фронта. Васькин отец. Высокий, плечистый в кожаной летной куртке, кожаном шлеме с летными очками и планшетом в руках. Глаза с веселым прищуром. Знакомые ямочки на щеках. На обратной стороне надпись: «Моим дорогим и любимым: сыну Ваське и жене Надюше. Вернусь с Победой!»

На другой фотокарточке они были сняты все вместе: Васька в валенках с блестящими калошами, матросском костюмчике сидел на руках у отца и рядом мама – коса короной, глаза лучатся счастьем и теплом. Здесь было несколько писем отца с фронта и письмо мамы с казенным фиолетовым штампом «Проверено цензурой» Васька развернул последнее: «Здравствуй дорогой сыночек! Верю, что ты у меня сильный и самостоятельный мальчик, что ты достойно перенесешь эту вынужденную разлуку.

Я верю, что справедливость восторжествует, и скоро мы будем вместе. Главное в нашей жизни, милый Васенька, не утратить веру в добро и справедливость. Ради этого наш папа, как и миллионы других отцов, сложил свою голову на этой жестокой войне...

Учись лучше, будь твердым и смелым и не бойся смотреть правде в глаза...» Васькина мама жили с отцом всего каких-то три года. Но каких! Это время было для них счастливым, определившим всю дальнейшую судьбу.

Надежда Петровна Уралова пронесла любовь к своему мужу через всю жизнь и всю жизнь хранила верность ему. В последнее время она работала заведующей детским садом поселка лесопромышленников. Она по-прежнему была стройна и красива, и многие мужчины подолгу останавливали на ней взгляды.

Васька видел, что к ним в дом не раз приходил человек в полувоенной форме с недобрыми вороватыми глазами. Мальчишка слышал, что они о чем-то напряженно разговаривают

с мамой в прихожей, и каждый раз этот недобрый мужчина уходил раздосадованный, громко хлопая дверями.

Однажды летом они выехали вместе со всем детским садом на дачу. Место было прекрасное: река, сосновый бор с целительным воздухом, парное молоко прямо с фермы. Детишки хорошели на глазах. И тут произошла досадная история. Некоторых ребяташек, видимо от перемены питания, пронесло.

День два поили их рисовым отваром, и напасть эта отступила. Что тут скажешь? Дело то обычное. Однако не все так думали. Поздно вечером к воротам лагеря приехала машина «черный ворон» и Васькину мать увели хмурые люди в черных плащах.

Васька даже не успел сказать ей слова. А потом всю ночь в кабинете Надежды Ураловой был обыск. Искали, как прошел слух, отраву, с помощью которой враг народа Уралова пыталась отравить пролетарских детей.

Вот уже год живет Васька в Погореловском детском доме, веря и надеясь на скорую встречу с мамой. А ее все нет и нет.

...Васька бережно уложил на дно коробки письма, достал со дна ее чистый тетрадный лист, деревянную ручку с пером и чернильницу непроливайку, переменял лучину и задумался. «Надо быть твердым и смелым», надо защищать маму, надо отстаивать справедливость. Но как? Он прикусил от старания язык и вывел на листе первую строчку:

«Дорогой товарищ Сталин! Пишет Вам пионер Василий Уралов.»

Дальше пошло легче.

«Я живу сейчас в Погореловском детском доме, мы живем хорошо, но я сильно скучаю, потому что мою маму Уралову Надежду Петровну забрали в тюрьму, потому что она хотела отравить детей. Товарищ Сталин! Я даю вам честное пионерское слово, что это неправда. Просто ребята наелись зеленых ягод и запонесли. Я им не давал ягоды есть, но разве за всеми уследишь. Моя мама самая добрая и самая лучшая. Во время войны она едва не умерла с голода, потому что делила свой паек с детьми, которых привезли в Сибирь из блокадного Ленинграда. Пожалуйста, помогите мне, товарищ Сталин, добиться правды и вернуть домой маму. Василий Уралов, пионер.» Васька свернул листок в двое, заложил его в конверт, на котором четко вывел адрес: «Москва. Кремль. Товарищу Сталину».

Васька достал второй лист и собравшись с духом написал: «Погореловский детский дом. Ларисе Жарковой.»

Как не хватает Ваське сейчас смелости хотя бы на бумаге рассказать о том, как влечет его к этой девочке. Как начинает сладко волноваться сердце, лишь слышит он ее шаги на лестнице, как не в силах он отвести глаз от нее, как страдает, когда не видит ее долго. Зашел с улицы Колька Покачев, сел на лавку и с сочувствием посмотрел на друга.

– Хочешь я тебе помогу. Чтобы девушка на тебя обратила внимание, нужно попросить об этом между кочек живущую.

– Кого-кого? – Не понял Васька

– Вот ее. – Колька вытащил из кармана тряпицу и развернул. На ладони сидела лягушка.

Самая обыкновенная лягушка.

– И как ее надо просить? – Опешил Васька.

– «Между кочек живущая» считается у нас священным существом. Она всегда влюбленным помогает. Ее косточки нужно зашить в рукав и коснуться рукавом любимого человека.

– Нет, Колька. У нас в этом деле лягушка не помогает. В наших сказках на лягушках женятся... – Ответил Васька с сожалением. – Уж я попробую сам.

...Покачев ушел, а Васька терпеливо склонился над тетрадным листом, шмыгая носом и поправляя лучину, пока не появились на листе эти три волшебные слова, давшие Ваське с таким трудом:

«Я люблю тебя, Лара!»

Мальчик бережно свернул листок в трубочку, достал из-под лавки заготовленную бутылку и опустил в нее письмо. Потом он залил горлышко прихваченным на почте сургучом. Первый конверт с письмом товарищу Сталину Васька отнесет на почту. А это послание, где открыты самые сокровенные чувства, про которые знает лишь он да его друг Покачев, будет хранить зеленая бутылка, которая отправится по реке, может быть, до самого Северного Ледовитого океана, где плавают на льдинах усатые моржи да бродят в снегах белые медведи.

Там, под сиянием сумрачных небес, будет замерзать во льдах его чувство, а, может быть, оно станет таким сильным, что растопит льды, и здесь на диком Севере зацветут сады и вырастут новые сказочные города, где не будет места человеческой несправедливости, злу и насилию. Где только дружба и любовь, где только верность и взаимовыручка будут жить в человеческом сообществе.

Васька вывалился из землянки на приплесок реки. Она катила поток, теряясь в мареве жаркого дня. Колька Покачев рыбачил с лодки, привязав ее к шестам, воткнутым глубоко в илистое дно. Высоко в небе кружили черные вороны, распластав крылья. Воздушным потоком, поднимавшимся от реки, их выносило все выше и выше в безбрежную синеву неба.

Васька размахнулся и бросил в темную рябь реки заветную бутылку. Бутылку подхватило течением, и скоро пропала она в дали, слившись с водами великой реки. Ваське сразу стало легко на душе. Он поднялся по обрыву на берег и припустил догонять ушедшее далеко по берегу стадо.

Глава 2. Бегство

Четверг – день политической грамотности. Все воспитанники детдома собирались в актовом зале, и кто-то один делал доклад о текущей политической обстановке. Сегодня докладчиком был Покачев.

Накануне он целый день сидел в библиотеке, читая газеты.

– Ну, что, Коля, вы скажете нам о событиях в мире? — спрашивал Виктор Акимович.

– Империалисты бряцают оружием, Виктор Акимович. Очень сильно бряцают. – Озабоченно доложил Покачев. – Американцы взорвали водородную бомбу. Они хотят запугать всех, чтобы народы мира поступали так, как захотят того американцы. Но народы мира не хотят танцевать под американскую дудку. Растет освободительное движение в Африке.

– Молодец, Коля. – Похвалил Покачева Виктор Акимович и мальчик расцвел.

– Ты хорошо подготовился к политзанятиям. Продолжай.

– Народ Северной Кореи дает отпор американским агрессорам. Корейские летчики с помощью своих китайских братьев сбили пять американских летающих крепостей Б-52. Очень метко стреляют наши корейские товарищи, Виктор Акимович!

– Хорошо, Коля. Садись. – Ласково посадил Покачева Виктор Акимович.

– А теперь давайте-ка подумаем ребята, почему в мире столь козла. Почему одни стремятся все-время пугать других, да и не только пугать, но применять насилие: стрелять, бомбить, готовить такое ужасное оружие, которое способно уничтожить все живое на планете? Ребята задумались.

– Они хотят завладеть всеми богатствами мира! – догадался Васька.

– Правильно, Уралов. В том мире, где на нас точат ножи, там царит власть золота, денег, наживы. Все, что там не делается, всем заправляет этот желтый дьявол – золото. И он лишает людей смысла жизни, потому что деньги, материальные богатства не могут человека сделать счастливым.

– Но как же без денег жить? – Спросил Васька.

– Правильно, Василий. Без денег пока нельзя. Деньги это кровь экономики, инструмент для организации производства и всего государственного механизма.

Если деньги используются, как инструмент для организации производства, жизни общества – это благородная задача денег. Если они удовлетворяют потребности человека, кормят, одевают его – это тоже хорошо, но если деньги становятся основной целью человеческой жизни – это беда.

– Так в чем тогда счастье-то? – Спросил кто-то

– Счастье, ребята, в том, чтобы быть свободным от жадности, зависти, корыстолюбия. Эти страшные качества разрушают человека, делают его глубоко несчастным, хотя он этого может и не замечать

А счастье, ребята, в общении и любви друг к другу, взаимопомощи и поддержке. Счастье в том, что мы живем в такой стране, где для вас открыты все пути. Где деньги не играют решающей роли. Если ты заболел, – тебя будут лечить бесплатно, если ты хочешь учиться – учишься, никто с тебя за это не спросит денег.

– Вот кем ты хочешь стать, Уралов?

– Я хочу быть инженером в деревне, чтобы облегчить труд на земле.

– Я рад за тебя, Вася. А ты, Коля Покачев?

– Я хочу стать доктором. Хочу лечить зверей, птиц, рыб. Хочу чтобы не только люди, но все, кто живет с нами рядом, никогда не болели. А еще хочу быть учителем, чтобы учить детей в стойбищах. Я еще окончательно не решил.

– Это очень благородное занятие, Коля. И то и другое. И мы поможем тебе стать таким либо доктором, либо учителем...

Ребята расходились в приподнятом настроении. Мечталось высоко и радостно....

...До ужина было еще время, в хорошем расположении духа отправился Васька погулять и заглянул на задворки детского дома. Там слышно было сдержанное сопение и звон монет. Не все были на занятиях, кто-то из старших затеял игру в деньги.

...На кону стояло больше рубля. Кон – черта, отведенная на земле. На черте стопкой монеты. Кто больше поставит, тот первым и бьет. Бить надо свинцовой лепешкой с расстояния метра в три.

Когда Ленька Кропачев, долговязый конопатый парень лет пятнадцати наклонился с битой в руке, то казалось, что он чуть, чуть не дотягивается рукой до кона. Такому бить пол дела, промахнуться трудно.

Раз! И стопка монет опрокинута. Один десятюничик лежит кверху орлом. Ленька тут же его в карман отправил. Ударил битой по остальным, сразу несколько монет перевернулось. Так до остальных очередь и не дошла, все деньги у Леньки в кармане.

– Ну, что пацаны, – загоготал Ленька. – Есть еще желающие поддержать голодающих... Денег больше ни у кого, кто играл, не было. Да и откуда возьмутся они у безотцовщины... Все что было заработано на сдаче макулатуры и металлолома или проиграны Леньке или потрачено на сладости.

Ленька Кропачев по прозвищу Клоп с дружкой своим Андрюшкой Чеканом держат в детдоме негласное первенство. Андрюха кидал двухпудовые гири, как резиновые мячики.

Но, не смотря на свою силу, Андрюха у Кропачева был в подручных. Они уже и в деревню ходили на гулянки, и курили тайком от взрослых, не стесняясь малышни.

– О, почти трояк! – Пересчитал куражисто Ленька выигранную мелочь. Маленькие игроки понуро хлюпали носами. Все же жалко было проигранных денег, добытых с таким трудом. А Ленька все не унимался.

– Хватит на папиросы и на пряники. Вот пойдем мы с Андрюхой на беседу в деревню, папиросы в зубы, кепки на ухо, пряники в кульке – все девки наши будут.

– А зачем вам девок пряниками кормить, дали бы лучше нам! На наши деньги-то. – Промолвил кто-то из салажат. – Были ваши, стали наши. А насчет девок-то вам, салапетам, не понять. Вам еще об этом и думать рано.

Васька участия в игре не принимал. На задворки забрел ради любопытства, да и засмотрелся, как играют другие.

Леньку Кропачева он не любил. Какой-то он был не настоящий, в разговорах и поступках подленький. С младшими разговаривал сквозь зубы, пренебрежительно, Андрюху Чекана на словах хвалил и возносил, а по за его спине плевался, перед учителями и старшими заискивал...

Васька знал, что Кропачев заглядывается на Ларису Жаркову, что и пряниками ее угощал и пытался по дороге из школы остаться с Ларисой наедине. Только вот Лариса, это знали все, от Леньки всякий раз отворачивалась, убегала. И это обстоятельство, видимо, Ленькиному самолюбию не давало покоя.

И язык у Леньки был поганый. Мог обидеть ни за что, ни про что.

Ленька окинул взглядом ребяташек, заметил Ваську и вдруг дурашливо оскалился.

– Вот Лариска Жаркова и та за пряники не откажет. Любого полюбить согласна. Васька знает!

Кровь ударила Ваське в голову. Словно пружина сработала внутри его тела. Он в полете ударил головой в Ленькин живот и поверг наглеца на землю. В следующее мгновение он уже сидел верхом на извивающемся противнике и лупил его кулаками.

– Гад! Фашист проклятый! – Хрипел Васька.

– Я тебе язык вырву!

Испуг парализовал Леньку. В глазах его был ужас. И Ленька завизжал, как поросенок, которого собралось резать. Этот истошный визг отрезвил Ваську. Он хотел было оставить поверженного врага, как тут почувствовал, что сильная рука оторвала его от противника, подняла в воздух. Васька уже не хватал ногами земли, его, словно нашкодившего щенка, трепали за шиворот из стороны в сторону. Но Васька сумел зацепиться ногами за невидимого противника и вырваться из его клешней.

Перед ним стоял ухмыляющийся Андрюха Чекан. Васька опустил голову и бросился на нового врага. Однако силы были слишком неравные. Андрюха перехватил парнишку, и бросил на землю... Что творилось в этот миг в груди у Васьки, передать невозможно.

Васька вскочил и бросился бежать, куда глядят глаза. Он летел во весь опор, боясь, что сердце его сейчас выскочит из груди, но не от напряжения, а от жестокой обиды. И нужно было как-то унять эту боль, охватившую все Васькино существо, убежать, умчаться от нее, или совершить сейчас что-то такое, что бы смыло с него и со всего окружающего мира эту ужасающую несправедливость, невозможность защитить и отстоять самое для него дорогое...

Дети сразу поняли, что с их товарищем произошло что-то из ряда вон выходящее и что дальше может случиться непоправимое. Они бросились за Васькой вдогонку, пытались остановить его, удержать. Но догнать Ваську было невозможно.

Тут небо над миром раскололось, блеснули молнии такие огромные и страшные, что казались они корнями гигантских деревьев, выдернутых невиданной силой из земли. Следом ударил оглушающий, раскатистый гром, тут же на землю обрушился ливень, и в потоках его скрылся мир: и белая церковь, похожая на Ноев ковчег, наполненный перепуганными детьми, и берег реки, и дальние кряжи вековой тайги, и белая рубашонка мальчишки, для которого в один миг ушла из под ног земля.

Кто-то из ребятишек бросился в деревянный флигелек директора. Виктор Акимович понял все без лишних слов. Превозмогая себя, он не шагал, а буквально летел к скотному двору, не чувствуя бьющих по телу плетей дождя.

Он быстро оседлал Серка и помчался во весь опор по речному наволоку, пытаясь оглядеть в темных лугах белую рубашонку мальчишки. Какое-то время показалось ему, что видит он в бурунах взыгравшей стремительно реки белое пятно. Кинулся было к берегу, но пропало виденье за пеленой дождя.

...Гроза ворча и громыхая, медленно уходила за таежные кряжи. В парке у церкви меж стволами деревьев летали, как призраки, светящиеся не земным светом шаровые молнии. Глядя в окна, дети видели, как взрываются они словно бомбы, и долго после каждого взрыва плыло в глазах негативное отражение мира.

А в доме том, забившись в темный уголок, тихо плакала голубоглазая девочка Лариса.

Всю ночь в окнах директора не гас свет. Виктор Акимович не спал, ходил по комнате, время от времени останавливаясь у буфета, наливая из графина в стакан водки, и снова мерил покалеченной ногой пространство...

На утро выяснилось, что еще одного человека недосчитался детдом. На утреннем построении не оказалось и Коли Покачева.

Глава 3. Ночь на реке

Только к ночи успокоилась река, взбаламученная небывалой грозой. Усмирились его буруны, спрятали под воду белые бараньи шапки, вышла на небо полночная луна и осветила мир призрачным неживым светом.

Где-то на разливах кричала с протяжной тоской, леденя душу, тревожная птица выпь, утки крякали настороженно, прислушиваясь в полудреме, не пробирается ли болотными кочками в поисках добычи лисовин. Глубоко по ямам забились рыба, напуганная бурей и грозой, не вышел на разбой даже ночной хищник невозмутимый сом. А в землянке, вырытой ребятами в обрыве метался в горячечном бреду Васька.

И виделось ему, что бредет он тайными тропами, преодолевает непроходимые болота, горные перевалы, укрытые снегами и оказывается, наконец, в удивительной стране, наполненной ласковым теплым светом, где цветут удивительные деревья, а на ветвях их порхают радужные птицы, поющие нежными голосами. Звонкие ручьи там полны меда, а говорливые реки полны парного молока...

Васька шагает этих чудным цветущим садом, вздыхая ароматы невиданных цветов и вдруг останавливает его голос такой родной и близкий.

– Вася! Васенька! Иди скорее сюда! Васька оборачивается и видит, что к нему протягивает руки его мама, а рядом с нею отец, радостный и улыбочивый с веселым прищуром глаз... А рядом с ними его девочка, любимая его девочка голубоглазая Лара. Она берет его за руку и все они устремляются по воздушным дорогам этой чудесной страны...

– Это страна счастья, сынок. – Говорит ему ласково отец. – Здесь нет вражды, нет злобы и обид, здесь все любят и уважают друг друга. Здесь царство мира, согласия и дружбы...

...Коля Покачев знал, что Уралов должен быть в их землянке. Кому-то постороннему найти друга будет невозможно.

Как только стемнело, он отправился к Иртышу. Его не пугали, ни леденящий хохот филина в парке, ни крики тревожной птицы выпы, ни холод сырой травы. Колька привык жить в природе, так же как человек привыкает к своему дому или квартире.

Лунный свет, проникавший в землянку закрыла тень маленького человека, но Васька уже не увидел спешащего на помощь друга. Он был уже весь в этом волшебном горячечном полете. Губы его были сухи, на лбу выступила холодная испарина, руки нервно теребили ворот рубахи на груди.

Васька задыхался.

Колька действовал быстро. Он затопил буржуйку, сразу же наполнившую теплом их маленькое убежище, достал из мешка бубен и стал греть его. Скоро бубен подсох и туго натянутая кожа его загудела.

Колька, как заправский шаман поднял бубен над головой и ударил в него пальцами, извлекая рокочущие звуки. И в унисон этому рокочущему звуку бубна горловым голосом Колька затянул заунывную древнюю песню без слов.

Все быстрее выбивали пальцы рокочущий звуки бубна, все быстрее вторило ему горловое пение Кольки, словно и не мальчик был это, а великий шаман из рода шуки, который знает такие сокровенные таинства бытия и космоса, которые даны лишь очень немногим на этой земле.

Все быстрее ритм, все быстрее движения Колькиного худого тельца, все выше и пронзительнее звуки, клокочущие в горле маленького человека.

Казалось, что душа и тело разделились, нет преград и расстояний, нет невозможного. И только звук бубна, ставший уже таким далеким, что рокот его еле слышен и тоньше кома-

рино писка, но голос тот волнует, зовет вернуться обратно на землю, напоминая о незавершенных на земле делах...

...Утро было светлым, промытым дождями, очищенным грозой.

Васька открыл глаза, чувствуя в теле необычайную легкость. Он словно забыл весь ужас вчерашнего дня, свершившейся драмы на задворках детдома. Он вскочил на ноги, но его кинуло к стенке, ноги были слабы и предательски дрожали.

В это время в проеме землянки появился Колька с дымящимся котелком в руке. – Сейчас я тебя буду поить травами, чтобы к тебе вернулись силы. Меня этому учил дедушка. Он много знал всяких целебных трав, и я от него учился.

Васька с благодарностью принял из рук товарища кружку с зельем. Напиток был горьким и противным, но с каждым глотком по телу разливалась волнами энергия и кровь закипала по жилам. Васька остановился, перевел дыхание, взглянул на Покачева и твердо сказал:

– Ты как хочешь, Колька, но я обратно не вернусь. И если вернусь, то не сейчас, а когда стану сильным и смелым, как отец. Я уйду с тобой на поиски твоего родового озера! Ты=то не передумал?

– Я готов хоть сейчас, – отвечал Колька и лицо его озарилось на мгновение радостью, но тут же забота пролегла складкой меж бровей...

– Нужно оставить ребятам и Виктору Акимовичу письмо, что мы живы, и что мы обязательно вернемся. Они переживают за нас, Виктор Акимович тот всю ночь не спал, а с утра опять оседлал Серка и отправился на поиски. Я слышал, он рыбакам в колхоз звонил, будут неводом тралить, нас искать...

Васька при этих словах встрепенулся, и на глаза его навернулись непрошеные слезы. Но он пересилил себя.

– Решено так решено! Достань, Коля, мою коробку из-под лавки, я напишу им. А ты незаметно отнесешь и бросишь в почтовый ящик.

Не прошло и полутора часов, как письмо было написано и доставлено, вещи собраны и уложены в лодке. Колька принес еще и железную буржуйку из землянки и тоже примостил ее на железном листе, оборудовав камбуз.

Мальчишки налегли дружно на весла, отталкиваясь от берега, и скоро их утлый челн, возвращенный к жизни трудами из брошенной плотоведами прохудившейся лодки, качался на волнах. До свидания детдом! До свидания, дорогой Виктор Акимович! Прощайте, ребята, с которыми сдружились и сроднились за эти два года. Прощайте, тетка Окулина, кормилица и поилица...

Прощай, мерин Серко и все обитатели детдомовского подворья... Прощай, невысказанная Васькина любовь, неземная девочка Лариса! Васька вернется к тебе сильным и непобедимым!

Глава 4. У рыбаков

– Глянь, мужики, к нам подмога прибилась! – Крикнул высокий костистый мужик, вышедший из рыбного склада, и увидевший уткнувшуюся в берег лодку, на которой крепко спали мальчишки.

Неспешно вываливались из рыбацкого домика заспанные мужики, закуривали папиросы, разглядывая неожиданных гостей.

Утро выпало с тихим дождичком и густым туманом. Река была рядом, но ее не было видно – весь утренний мир поглотил этот молочный туман. И только вытщенный на берег красный бакен, рыбацкий стол под навесом с приклеившимися перламутровыми рыбьими чешуйками, да керосиновый фонарь под железным абажуром придавали миру некоторую реальность. Да слышно было, как дышит река неуловимым движением вод.

Васька и Колька спали сладким сном. Они плыли уже третьи сутки и сильно устали. Картины проплывающих мимо берегов не отличалась большим разнообразием.

Редкие убогие поселения, склады древесины с затонами, где формировали сплавщики длинные плоты для транспортировки их по реке.

Однажды ближе к ночи попался им встречный пассажирский теплоход весь в сиянии огней, из радиорубки его неслась музыка, а на верхней палубе парень с девушкой танцевали вальс. Пароход, шлепая плицами по воде, исчез, как видение за излучиной реки, и ребята долго еще замороженно глядели ему в след, думая каждый о своем. Ждали слияния рек. По их расчетам это место должно было появиться с часу на час.

Все ближе поступали к берегам с правого борта густые кедрачи, с левого простирались широко заливные поймы, «соры», на которых нагуливала к зиме жир сорная рыба —язь, плотва, щука... Потом природа стала зримо менять свой характер, лиственные леса уступали место хвойным, все чаще степные просторы сменялись гигантскими болотами с чахлой растительностью...

Малые реки, впадающие в реку, несли с собою темные болотные воды. Менялись краски ночного неба, оно уже не было похоже на темный бархат, на котором зажигались яркие крупные звезды. Небо теперь и самой глухой ночью было сумеречно светло.

Однажды ночью почувствовали ребята дыхание самого Ледовитого океана, лодка ночью покрылась инеем, который растаял только по утру... Этой ночью ребята не сомкнули глаз, стараясь, как можно дальше продвинуться по намеченному маршруту.

Покачев считал, что после слияния рек нужно пройти еще километров пятьдесят, а потом уже углубляться по правому берегу в тайгу, чтобы выйти к своему родовому озеру.

Первым открыл глаза Колька. Он увидел проступивший в тумане ветхий сарай на берегу, где ютилась рыбацкая артель, горы деревянных ящиков, залепленных рыбьей чешуей, большие просмоленные лодки на берегу, развешенные на колах вдоль реки неводы с большими деревянными поплавками.

– Давайте, гости дорогие, к нашему шалашу! – У лодки стоял высокий, заросший щетиной мужик и приветливо улыбался.

Горел костер на берегу, фырчал на огне большой закопченный чайник, на стол, сколоченный из не строганных досок, принесли огромное блюдо с холодной вечерней ухой, уже схватившейся, как студень. Колька растолкал друга, и они с опаской сошли на берег.

Рыбаки выдали им ложки, усадили за стол, но есть не начинали.

– Где-то там Костюшка с девками хороводится? С вечера – гармошку в рюкзак и ускакал верхами в деревню. – Озабоченно проговорил старый рыбак с лицом, похожим на печеную картошку.

– Вернется твой Костюшка. Это настоящий рыбак. И погулять не промах, и порядок знает. – Успокоил его высокий рыбак, как поняли ребята главный в артели.

В тумане послышался глухой стук копыт и тихое ржание.

– Во, что я говорю. — Довольно подытожил артельщик.

Из тумана выплыла сначала голова гнедой кобылы, потом над нею показалось довольное лицо Костюшки с запутавшейся в русых кудрях сенной трухой.

Рыбаки понимающе хохотнули и принялись хлебать уху, держа под ложками ломти ржаного хлеба.

... Уха была необычайно вкусна, но все же артельщики хлебали ее без особого аппетита, видимо, уже приелась за сезон, но чай со смородиновым листом пили с чувством. Скоро задымались папиросы и самокрутки, и старший артельщик по фамилии Вихрев поинтересовался деликатно:

– Куда, ребятки, путь держите?

Отвечал Васька.

– Плыдем на каникулы на озеро Шаман. Слыхали, небось?

Там у Кольки Покачева родовое озеро.

– Шаман? Далеко, однако. Надо тайгой да болотами недели две идти. Глухое место. Не зная троп, долго ли заблудиться?

Артельщики качали головами.

– Оставайтесь-ка лучше с нами. – Предложил старший артельщик Вихрев.

– А то у нас хозяйство некому вести. Да скоро уж и путина, муксун пойдет, заработать можно хорошо. Вся-ко и денежка к школе пригодится...

Колька глянул на друга и уверенно отвечал:

– Спасибо вам, дяденьки. Однако, нельзя нам оставаться. Озеро ждет.

Рыбаки уважительно посмотрели на Кольку.

– Ну, тогда погостите, припасы в дорогу сделайте. Вот сегодня туман рассеется, так с нами на тону сходите, рыбки хорошей в дорогу возьмете. – Рассудил старший артельщик.

Ребята с радостью согласились. – А до слияния рек далеко? – Взволнованно спросил Васька.

– Рукой подать. Сегодня туда и пойдем. Особое это, ребятки, место, былинное, сколько про него легенд да сказок в народе живет – не переслушать.

Костюшка, молчавший до сих пор, оставил кружку и кивнул на старого рыбака с лицом, похожим на печеную картошку.

– Вы Каева вечером попросите, он вам расскажет. И мы послушаем за кампанию.

Каев согласно склонил голову.

– Ну, с Богом! – подал решительный голос бригадир. Артельщики поднялись из— за стола, раскатывая голенища сапог. Туман все еще укрывал мир. Но рыбаки погрузились в лодки и поплыли от берега в сплошном молоке. Как они угадывали направление, понять было трудно. Но артельщики гребли уверенно, и лодки ходко скользили по воде. Через час подул легкий ветерок и туман начал рассеиваться.

– Подходим, – сообщил доверительно Костюшка ребятам. – Смотрите внимательно. Вот чудо, так чудо.

Ветерок окончательно сорвал с реки туманную занавесь, и взору детей открылась величественная картина. Две могучие реки несли свои потоки навстречу друг другу. Одна несла желтые воды, другая – голубые.

Вот берега распахнулись, разбежались по сторонам и два потока, ударившись друг о друга по касательной, подняли бурун, и еще какое – то время бежали рядом, не желая уступить друг другу главенства. И уже в одной реке, в одних берегах бежали не смешиваясь два потока – желтый и голубой.

– Ничего, обнюхаются, приносятся друг к дружке и скоро станут одной рекой. – Сказал раздумчиво Каев. – Так вот и в семейной жизни бывает. Муж да жена – одна сатана!

И тут Колька взволнованно ахнул:

– Васька, смотри сюда! – Покачев даже привстал от волнения.

– Рыбий Дед! – Где, где Колька?

– Да вот же. На высоком-то берегу. С носом.

И верно, на высоком берегу стояла высеченная из дерева фигура старика с неестественно длинным носом. Таким длинным, что нос этот скорее походил на хобот. Ваську рассмешил деревянный идол. Но Покачев не заметил иронии.

– Это у него потому такой нос, что этим носом он рыбу к берегу притягивает. Теперь то уж точно будет удача.

...Невод выметывали на противоположную сторону. Он охватил едва ли не полкилометра русла и речной поймы. Одну сторону невода тащили веревками с помощью артельной кобылы, на которой приехал к берегу рыбак, другую – осиливали сами.

– Навались! – Командовал старший артельщик Вихрев.

– Раз-два взяли!

Жилы на шеях у рыбаков напряглись, лица покраснели, упиралась артель во все человеческие и одну лошадиную силу, и невод, обозначенный цепочкой пляшущих на воде поплавок, нехотя стал продвигаться к берегу.

– А ну, ребяташки, взяли, – подбадривал Вихрев. – Идет родимый, идет.

Каев, сидевший в лодке на чупе невода на случай непредвиденного зацепа, заволновался.

– Стенки, стенки держите, не дайте уйти! С рыбой будем!

Веревки вышли на берег, теперь выводили крылья невода. Уже сейчас видно было, что рыбы попало изрядно, еще до берега было далеко, а чупа уже вскипала бурунами, и поплавки бешено плясали на воде и вовсе уходили под воду. Васька с Колькой тащили невод наравне со всеми, загораясь все больше и больше рыбацким азартом и предчувствием небывалого улова.

Вот уже вышли на берег и стенки невода, в воде оставалась одна чупа, буквально кипевшая рыбой. Лошадь перезапрягли в телегу, подогнали к самой воде. Два рыбака с черпаками на длинных ручках зашли в воду и стали вычерпывать добычу, сгружая в телегу. Пятнистые щуки извивались, как змеи, бронзовые крупные чебаки с тяжелым стуком падали на дно телеги, серебристые с синим отливом благородные муксуны мощно бились в сетках черпаков, тут же были и стерлядки, похожие хребтами на плотницкие пилы. Радостные подъем царил среди артельщиков. Скоро телега была полна.

Стали заполнять и привезенные со склада ящики, одну лодку завалили рыбой чуть ли не вровень бортов, а рыбы, казалось, в чупе все не убывало. В самом конце ее билось что-то несуразно большое, и азарт разжигал рыбаков.

Наконец, Костюшка не выдержал и коршуном бросился прямо разверзнутую пасть чупы. Вода вскипела, завязалась борьба между молодым и сильным рыбаком и кем-то, пока еще не видимым и лишь угадываемым по силе, с какой свивал он рыбацкую снасть.

Костюшка все же не устоял на ногах, в какое-то мгновение он ушел под воду с головой, но тут же вынырнул и выдохнул хрипло:

– Держу! – Он уперся ногами в дно, подтаскивая к берегу добычу, но через мгновение полетел с ног. В воздухе мелькнул огромный косохвост.

– Осетр! – Несколько человек выкрикнули разом это слово, как заклинание, и повалились на Костюшку и бьющуюся под ним огромную рыбину.

...Домой возвращались уставшие и тихие. Часть рыбаков ушла пешком. Покачев шептал слова благодарности Обскому Деду, пославшему богатый улов. Вихрев рассказывал:

– Был у нас в прежние времена, когда я на Мариинке служил, это на реке Шексне, что в Волгу впадает, один рыбак. Как звали-то по христиански, так я уж не помню. А прозвище зацепилось: Пузырь. Тот Пузырь промышлял белугой. А знаете, какая это рыба? Бывало по тонне весом попадалась.

Ребята слушали и не знали: верить рыбаку или нет. Как такую рыбу представить? Она, наверное, с лодку будет.

– Так вот, ребята. Изымает он белугу, пропустит ей под жабры веревку и катит на ней, как на самоходном катере аж до города Череповца... Да и продаст там ее по большой цене. Потом до дому на тройке прикатит пьяный, с дорогим вином, в обновах. За неделю спустит заработок и снова на ловлю едет.

Одинова, такую поймал, что она дорогой задурила, да и разнесла Пузыреву лодку в щепки. А у него веревка к ноге привязана была и утянула, сказывали белужина Пузыря к себе в пучину. С тех пор никто его и не видывал.

Ребята не нашлись, что ответить. Молчали до самого рыбацкого стана, переживая впечатления дня. Вечером варили стерляжью уху, готовили малосолого муксуна.

Старший артельщик Алексей Вихрев принес из сарая припрятанную бутылку спирта.

– Давайте-ка выпьем мы за нашу артель. – Сказал он, поднимая кружку. – Не зря говорят: «Дружно- не грузно, а врозь – хоть брось!» Этакую работу сегодня свернули.

– Да уж, – поддержал Каев. – Артельная каша, гуще кипит.

– Выпьем, братцы и за наших гостей. – Продолжал бригадир. – Это они нам удачу такую принесли. Пол месячного плана взяли. Один осетр на два пуда потянул... Так пусть же и им во всем сопутствует удача!

Стукнулись кружками, крикнули и долго, до седьмого пота стучали ложками по блюду, вылавливая расплавленное золото стерляжьего жира. После чая, разморено закурив, повернулись к Каеву.

– Ну, что, дедко, скажи – ко, ребятишкам сказку. Мы тоже давно уж от тебя сказок-то не слушали.

Каев не отказывался. Наоборот, видимо, ему нравилось рассказывать истории рыбакам.

– Ну, что, – откашлявшись начал он, – расскажу про наши великие реки... Сказки рассказывать – не дрова рубить. Слушайте.

У каждой птицы – свое гнездо, у каждого человека своя малая родина. А как же без родины реке быть? Не бывает без родины даже больших рек...

...Тихо над рыбацким станом. Чайки накричавшись за день, утомонились в речных протоках, лишь изредка доносились с реки глухие удары, то крупная рыба выходила на промысел, ударами хвоста глушила задремавшую молодежь. Стреноженная рыбацкая лошадь топала в росных лугах да хрустела травой.

Старик замолчал. Полночные звезды густо сияли на небе, пора было ночевать. ...Мальчишки, убаюканные красивой сказкой, уже клевали носами. Рыбаки потянулись в сарай, только за столом под навесом оставались еще старший артельщик Вихрев да старый рыбак Каев. Уже засыпая, Васька слышал, как старший артельщик рассказывал Каеву.

– Разведка боем, дядя Саша, – это когда тебя посылают на верную смерть. У тебя отбирают все документы, награды, знаки различия. И ты идешь в открытую, а тебя противник из всех огневых средств лупит, так, что небесам тошно. Вот мы и пошли. Нас было двести человек отобрано, а вернулось только семь...

– А про родину ты хорошо сказал, – Каев, – помолчав добавил Вихрев. – Тоскую я по нашей Шексне. Вольно тут, богато промыслом, а вот тянет домой. Изба у меня там родительская брошена. На острове.

...Собирали припасы в дорогу. Вихрев положил ребятам пяток больших присоленных муксунов, связку вяленых чебаков.

– А можно я, дядя Леша, возьму муксуньей икры хантыйского хлеба сделать, да щук небольших.

– Бери, бери. У нас этого добра не убудет. – Согласился старший артельщик. – А мы у тебя поучимся.

Колька раскопегарил железную печку, попросил у рыбаков большую сковороду. Насыпал из своих припасов на сковороду кедровых орешков и принялся давить плоским камешком, пока на сковороде не выступило ароматное таежное масло. Потом он взбил в большом блюде муксунью икру, выкинул из нее пленки и стал примешивать в нее муку. Получилось тягучее, пахнущее сырой рыбой тесто. Колька выложил его на разогретую сковороду и скоро вогульский хлеб спекся в тугую лепешку.

Первую лепешку Колька разломил на всех. Рыбаки с интересом пробовали, деликатно хвалили Колькину стряпню, обещали перенять опыт. Тем временем Васька выпотрошил несколько небольших щук, нарезал в прибрежных кустах палочек, очистил их, заострив концы. Принесли из сарая плошку клюквы. Покачев ловко разворачивал на столе щук, натирал их с внутренней стороны давленной клюквой и осторожно протыкал их палочками, так, чтобы заостренный конец палочки оставался в щучьем теле.

– Так всегда в нашем роду делали. Нельзя, чтобы палочка насквозь проходила, иначе щука на человека обидится, и вся сила из нее уйдет.

Рыбаки удивленно качали головами.

– Теперь я поставлю щук к стенкам печки, и пусть они сохнут. – Рассказывал Колька увлеченно. – Как высохнут, можно их в мешок складывать и – в дорогу с собой брать. Все ханты в дорогу сушеную щуку берут. Бросишь в котелок с водой, вот тебе и еда. Щука много сил дает.

...Пополнив запасы, ребята погрузились в лодку и поплыли дальше. Рыбаки провожали их всем станом.

– На обратном пути приворачивайте! Будем ждать!

Не успели они доплыть до слияния рек, как услышали перестук копыт. Следом за ними скакал верхами Костюшка. Ребята заволновались и направили лодку к берегу.

– В деревне был, – сказал, отдышавшись Костюшка. – Я уж при всех не стал говорить. Ищут двух мальчишек. Из детдома сбежали. Участковый в клуб приходил, наказывал, что если объявятся, то ему сообщить.

Костюшка замолчал, а ребята повесили головы.

– Ну, чего засмурели? Рассказывайте, куда путь держите? Я не выдам, а, может быть, подскажу чего или помогу.

– Нам, Костя, обратно никак нельзя. Нам на Шаман надо. —Отвечал Колька. – Нам надо родственников найти. Там на Шамане наши чумы стоят.

– А точно найдете? – Засомневался Костюшка. – Про Шаман-то я слышал. Богатые места, но нехоженые. Там где-то говорят, в старину раскольники скрывались от царских властей. Это надо вверх по Кондасу подниматься. – Я, Костя, дорогу найду. Не сомневайся. Я ведь вогул. В тайге вырос.

– Ну, коль так, больше задерживать не стану. Зверя в тайге берегитесь. Он подошел к лошади и вытащил из-за седла старенькую берданку. – Держите. В тайге без ружья нельзя. Вот и патроны к ней. – Костюшка протянул ребятам туго набитый кожаный подсумок. – Обратно пойдете, вернете.

...Костя забрел в воду, сильно оттолкнул лодку. Скоро ее вынесло на течение. Все те же черные птицы кружили над рекой и утлой лодчонкой, на которой два юных существа отправились в безрассудное путешествие в поисках земли, где царят добро и справедливость, любовь и добросердечие, в страну Живого Огня. И если посмотреть сверху, с той высоты, где кружат черные птицы, то увидеть можно, как великая река пересекает гигантские пространства беско-

нечных озер и болот, разъединенных узкими перешейками лесов. Небольшие гривы кедрача и снова озера и болота, болота и озера, насколько видит глаз.

Малопригодная для жизни земля, доставшаяся людям, рыбам, птице и зверю в наследство от великого потопа, вызванного растаявшим в древние времена ледником. Для случайного, пришедшего покажется она сумрачной, неприятной. Только случайных людей здесь не случается...

Глава 5.В тайге

Лодку спрятали в устье Кондаса под нависшими над водой ветвями ив. Дальше путь их лежал через тайгу и болота. Но ребят не страшила дорога. Колька хорошо ориентировался в тайге по солнцу, по свету звезд, по лишайнику, нараставшему на елках с северной стороны.

Первый день прошли без приключений. Ночевали на сухой гриве под вековыми кедрами. Разожгли костер, наелись отварной щуки, напились чаю с брусничным листом. Дым от костра отгонял надоедливых комаров и мошку, было хорошо и покойно. Постепенно отступала, уходила прочь горечь обиды и смятение, царившие в Васькиной душе в первые дни после побега. Колька подкидывал в костер сухие ветки и, глядя на огонь, рассказывал:

– Однажды муж с женой ночевали у костра. Выскочил из костра уголек и попал на ладонь мужу. Больно ему стало. Он рассердился, схватил топор и стал рубить топором кострище. Огонь и угас.

Наутро встали, ни как жена не может развести костер, сколько ни билась. Муж разжигал, – нет огня. Обиделся огонь. А люди уж совсем замерзать стали, только тут появился крохотный такой огонечек и говорит:

– Отдайте мне вашу дочку, тогда я и появлюсь. Поставьте ее в костер и ничего не бойтесь, ей не будет больно.

Чего делать-то? Поставили девочку в кострище, тут охватило ее пламя, а она стоит и улыбается. Потом пропала совсем, как будто ее и не было. А огонь разгорелся, сильным стал и жарким.

– Ну, это сказка! – Засмеялся Валька.

– Наши люди верят, что нельзя огонь обижать. Нельзя в костер мусор бросать, плевать нельзя... Огонь защищает человека от злых духов, очищает...

– А в кого еще ваши люди верят? – Спросил с интересом Васька.

– Есть такой большой человек, он объезжает свет на белом коне, наблюдает за миром. Зовут его Мув-керты-ху.

Но он не вмешивается в людские дела, а вот бог Торум и его сын Медведь, его еще лесным человеком зовут, они с людьми рядом.

– И чего они делают? Чем медведь может человеку помочь.

– Медведь охраняет людей от болезней, стережет их жилище, разрешает споры даже судит. Вот если кто у кого чего-нибудь украдет, и на этого человека покажут, то ему дают в руки медвежью лапу, ставят под медвежьим черепом, и спрашивают: виновен он или нет?

– И что, человек уже не может соврать?

– Никак, нельзя. Иначе лесной человек накажет лгуна.

– А почему же геологи говорили, что на ваше стойбище напал разъяренный медведь.

– Я не знаю, но у нас так бывает, если охотники убили медведя, то они должны задобрить его душу. В стойбище устраивают медвежий праздник.

– А если только ранят, и он уйдет разгневанный?

– Тогда говорят, что в медведя может вселиться злой дух Тарен. Это очень опасно.

...Тихо в вековой тайге. Чуть слышно потрескивает костер. Да изредка налетевший с севера ветер полуночник качнет вершины кедров, скрипнет где-нибудь сухая деревина и опять тишина. Смолкли в чаще птичьи голоса, с севера напоззли тучи, укрыли небо сплошным серым одеялом, и сразу стало тепло. Но что это? Замерли ребята, затаили дыхание. Будто хрустнула ветка под чьей-то тяжелой ногой, одна, вторая. И вот за деревьями в непроглядной темноте явственно было слышно, как раздался тяжелый утробный вздох.

Ребята напряглись, а Васька подтащил в себе берданку. Стало заметно светлее. Видимо, вошла луна и через облака осветила ночной мир. Тревожно вскрикнула ночная птица

и стихла. И тут внутренним чутьем оба мальчишки ощутили в окружающем их пространстве появление кого-то еще. Его присутствие словно разливалось в воздухе, заполняло пространство, подчиняло себе всякую другую живую волю, от мелкой птахи до человека.

Мороз пополз за ворот, сердце застучало часто-часто. Прошло несколько минут, и снова такой же тяжелый, но уже полный страдания вздох прозвучал в ночной тайге. Васька передернул затвор берданки. Стало слышно, как осторожные вкрадчивые шаги удалялись вглубь леса.

– Это он! – прошептал Колька. – Лесной человек.

– Мне, кажется, не с добром он пожаловал. Может быть, это тот самый, что ваше стойбище разорил. – Отвечал ему шепотом Васька. – Может, шатун какой. Я читал. Если его ранить, то он будет людям мстить, пока его не убьют.

– Давай побольше кинем в костер дров, чтобы он не вернулся... Мы попросим огонь, чтобы он нас защитил.

Языки пламени поднялись к ночному небу, но в тайге оставалось все так же темно и таинственно. И только Кондас, бежавший неусыпно к большой реке, отражал отблески костра, унося с собою быстротекущее время. Ребята уснули только под утро.

Глава 6. Таежная деревня

Все дальше и дальше уходили в глухие урманы наши маленькие герои. Все глуше лес, все зыбучее болота. Днем, когда солнце поднималось в зенит, тайга превращалась в настоящее пекло. Плавилась на соснах смола, над болотами поднималось знойное марево, настоящее на сладковато терпких запахах торфа и багульника, от которых кружилась голова. Путались ноги в зарослях брусничника, соленый пот застил глаза, струился потоками по лицу, разъедая уголки губ.

От комариного гула стоном стонала тайга. И только марлевые накидки, запасенные в детдоме и вываренные в дегте, спасали ребят от этой адской напасти. Но ребята все шли и шли без остановки. Непуганые глухариные выводки сновали под самыми ногами, лисы не спешили уступать людям дорогу при встрече и даже зайцы, пасшиеся на полянах, не скакали испуганно прочь, завидев человека.

Шли тайгой уже третьи сутки. Колька шел впереди, лицо его было сосредоточено, чувствовалось, что парнишка всей душой стремился туда, где на берегах родового озера прошло его детство. А вот у Васьки таежные урманы рождали в душе смятение и тревогу. Он вспоминал с грустью маму, их родной опустевший разом деревенский дом, голубоглазую девочку Лару, детдом и Виктора Акимовича.

Иногда Ваське казалось, что этот побег, который устроили они с Колькой, был глупой затеей. Но тут же в глазах его вставало ухмыляющееся лицо Леньки и Андрюхи Чекана, и шаг становился увереннее и тверже. К середине третьего дня Колька неожиданно остановился и прислушался. Васька, шедший сзади тоже, притормозил и взял на изготовку берданку.

– Слышишь? – Колька поднял кверху палец, замирая. Васька тоже затаил дыхание. Шумела тайга, попискивали малые пичуги, звенели комары, позванивал невдалеке ручеек. И тут в таежную тишину где-то далеко вошел до боли знакомый задиристый боевой клич.

– Петух! — Обрадовался Васька.

... Не прошло и получаса, как в тайге образовался просвет, и ребята вышли к вырубкам, густо заросшим малиной и цветущим иван-чаем. За вырубкой начиналась изгородь. Ребята пролезли между жердинами и осторожно вышли на опушку. Отсюда открывалась картина довольно большого таежного поселения.

Прямо перед ними колыхалась уже вышедшая в трубку рожь, слева голубело льняное поле, за хлебной полосой стояли крепкие, рубленные в лапу амбары, за амбарами дома. На задворках домов видны были огороды с пасекой колод в двадцать, покрытых сверху соломенными шапками. В центре деревни возвышалась маковка часовни с деревянным крестом. За деревней виднелось серебряное зеркальце озера в оправе темного леса. На озере в лодке зависал над сетями рыбак. Справа чуть в стороне от деревни при впадении таежного ручья в озеро стояла водяная мельница. Ее замшелое колесо неспешно вращалось, роня искрящуюся на солнце воду.

– Вот это да! – Выдохнул пораженный Васька. – Красотища какая! Хотел бы я здесь пожить хоть недельку. Колька не успел ему ответить. От деревни к лесной опушке бежала девчонка лет тринадцати в сарафанчике, ладных лапоточках, красных, аккуратно навернутых на ноги онучах.

– В лаптях! – ахнул Васька. – Как в кино!

В одной руке девчонка несла деревянную бадеечку, а во второй была палочка, которой девочка громко стучала по бадеечке. – Зорька, зорька! – весело кричала она.

– Звездка, Звездка! Идите сюда!

Девчонка бежала прямо на ребят. Мальчишки попятились и спрятались в заросли иванчая. И тут за их спинами что-то затрещало, зафыркало, ребята оглянулись и замерли от ужаса.

Рядом с ними лезли сквозь заросли огромные горбоносые лоси. Они едва, едва не наступили на ребятишек. Лоси уверенно шли к девчонке, которая уже перелезла изгородь и достала из бадейки ржаные ломти хлеба. Лоси хватали хлеб большими мягкими губами. А девчонка, зажав крепче одной рукой бадейку, сноровисто принялась доить лосиху. Васька аж задохнулся от увиденного.

– Нет, ты смотри, Колька, – прошептал он с жаром. – Доит! Лося доит! Вот чудо.

Струи густого лосиного молока уже не звенели о дно подойника, видимо он быстро наполнялся. Лосиха покорно позволяла себя доить. Кажется, ей это доставляло удовольствие. А рядом своей очереди ждала вторая лосиха. Васька, чтобы лучше разглядеть эту, поразившую его картину, привстал в своей ухоронке. И тут девчонка увидела его. Подойник выпал из ее рук и глухо стукнулся о землю.

– Держи молоко-то! Прольется! – Крикнул ей хозяйственный Васька, порываясь спасти удой.

Девчонка завизжала. В округлившись глазах ее стоял ужас, словно она увидела не деревенских мальчишек, а что-то невообразимо страшное.

– Эй! Не балуй. – Тут же раздался басовитый окрик.

Из-за деревьев появился молодой русоволосый мужик в окладе бороды и длинной поясной рубахе. В руке его блестел топор. Но, увидев ребятишек, он тоже опешил, застыв с раскрытым ртом. Васька с Колькой посмотрели друг на друга. Вроде бы ничего необычного в их облике не было, чтобы привести людей в такое изумление.

– Здравствуйте! —нашелся, наконец, Васька. —Мы это, идем с Оби, нам на Шаман надо!

Мужик и девчонка оторопело молчали.

– А скажите, это какая деревня? – продолжал Васька начатый разговор. Мужик не отвечал. Но лицо его, фигура не выражали агрессии или злобы и Васька решил подойти.

– Это Колька Покачев, – показал он на друга, тоже присмирившего и пялившегося во все глаза на девчонку. – Он из вогулов. Мы на его родовое озеро пробираемся. На Шаман. Стойбище там. Не слышали? – Еще раз объяснился мальчишка. Мужчина с топором молча покачал головой. В это время лосиха наклонила морду к Васькиной голове и дохнула горячо прямо Ваське в ухо. Мальчишка отпрянул, а мужчина чуть заметно улыбнулся.

– Не бойся. Они у нас ласковые. Не обидят.

Девочка тоже прогнала, наконец, с себя оцепенение, подняла подойник.

– Ты, вот что, Анютка, заканчивай обряд, а я с гостями пойду в деревню. – Сказал бородатый, видимо, Анюткин отец, и жестом пригласил ребят следовать за собой.

Прошли межой к деревне. Посреди ее стояли пахучие стога сена, меж ними возвышались деревянные качели для детворы, колодезный журавль тянул длинную шею к небу.

– Какой веры? – Спросил строго ребятишек мужик. – Старого обряда или нового, бесовского?

– Чего, чего? – Не понял Васька вопроса.

– Крещеные, спрашиваю вас, али нехристи?

– Не, дяденька. Мы не верующие. У нас давно религию отменили. И старую, и новую. Колька, вон правда, верит, так у них своя вера. Они дяденька, щуке поклоняются...

– Тьфу ты, Господи, прости меня грешного! – Рассердился было мужик.

– Вот она власть царская, сатанинская! Каково, дети малые без креста живут!

– Да у нас, дяденька, власть давно не царская. У нас советская власть. – Теперь черед удивляться пришел Ваське.

– Как не царская? Неужели конец пришел антихристу.

– Давно уже пришел. – Радостно сообщил Васька. В семнадцатом году скинули царя и всех его пособников.

Мужик упал вдруг на колени и стал молиться, отбивая поклоны.

– Господи, велик ты в деяниях своих, покарал отступников веры твоей.

– Дяденька, так вы что же не знали, что царя давно уже нет? Тогда вы не знаете, что была революция и гражданская война...

– Война? — Поднял мужик голову от земли. — И кто с кем воевал?

– Богатые с бедными. И победили в той войне бедные.

– Бедные? Ну-ка, ну-ка, скажи, а как же приверженцы старого обряда? Утвердили они веру свою, победили ли вероотступников?

– Мы про это дяденька не проходили еще в школе. Мы знаем, что веру отменили и многие церкви закрыли, потому, как Бога, говорят, нет!

Мужик снова начал молиться и отбивать поклоны.

– Так вы, должно быть, дяденька, не знаете, что и другая война была. Великая Отечественная. Мужик поднялся с колен и уставился на Ваську полными смятения глазами.

– Говори! – Русские воевали с немцами. В сорок первом году эта война началась. Вообще-то это была вторая мировая война. Там все кто-нибудь с кем – нибудь воевал. наших двадцать миллионов погибло. Мой папа тоже погиб. Он летчиком на войне был. – Сказал Васька с дрожью в голосе. – Но мы все равно победили.

Мужик молча положил на русую Васькину головушку широкую ладонь, потом обернулся к дому.

– Марья! – Крикнул он, обращаясь к раскрытому окну, – готовь погану посуду, гости к нам.

Слышно было, как в доме что-то сбрыкало. После этого на волю выглянуло испуганное женское лицо. В доме был полумрак, видно было, что изнутри освещают его мятущиеся огоньки лампад, висящих перед иконами. Женщина истово перекрестилась.

Глава 6. Анютка

Под навесом у дома хозяева накрыли стол. Посреди стола – горшок с постным варевом, мед в глиняной плошке, хозяйка принесла каравай ржаного хлеба, и хозяин нарезал его крупными ломтями.

– Хлеб на стол, так и стол – престол! – Сказал хозяин.

Прибежала с опушки Анютка с подойником, в глиняную плошку налили лосиного молока, накрошили хлеба. Хозяин широким взмахом двумя перстами перекрестился и перекрестил стол.

– Хлебайте, с Богом! С вами Анютка побудет, а мы – стога метать. Вечером говорить станем. Все людишки наши соберутся.

Взрослые ушли, а ребята принялись за еду.

– Мне тятя сказал, что вы – некрещеные! За стол сели, лба не перекрестив, – сказала Анютка, со страхом поглядывая на ребяташек.

У Васьки с Колькой ложки застряли на полпути. И оба они почему-то покраснели.

– Наука доказала, – пробормотал Васька, – что Бога нет. Это эволюция сделала из обезьяны человека, а не Бог. Люди скоро в Космос полетят, как можно верить в бабушкины сказки?

Анютка в испуге подняла руки, словно защищаясь от страшных слов.

– Не говорите никогда такого. Господь на Крест за всех нас взошел, а протопоп Аввакум мученическую смерть принял, врагами старой неискаженной Никоном веры заживо сожжен был... И вместе с ними тысячи истинных ревнителей православия...

В словах девчонки было столько страсти и непоколебимой веры, что юные богоотступники замолчали.

– Ты, прости нас, Анютка, но ни о протопопе, ни о Никоне ничего не знаем. У нас в школе такого не проходят. Расскажи, кто они такие и почему меж ними борьба была. – Попросил уважительно Васька.

– Я мигом. – Посветлела лицом Анютка. Она скрылась в доме и скоро вернулась с большой старинной книгой в кожаном переплете. – Я прочитаю вам из жития преподобного протопопы Аввакума. – Анютка бережно открыла книгу. – Это писано им собственноручно в Пустозерске в царской ссылке, куда протопопы Аввакума сослали, за то, что не покорился лживым церковным нововведениям. Это было двести пятьдесят лет назад. До того православная наша вера семьсот лет была неизменной. А царь Алексей Михайлович допустил до церковных книг пришлых людей, лживых да завистливых, которые православие на католический манер стали перекраивать. И стали они те книги переписывать да править, церковную службу менять, вместо двуперстого крестного знамения, шепоть бесовскую вводить. Главную молитву «Символ веры» переписали. А патриарх Никон стал несогласных с нововведениями гнать, на цепь сажать, головы им рубить и огнем жечь. И стал на Руси Великий раскол.

Ребята смотрели на эту девчушку, не видевшую ни разу в жизни иных людей, кроме своих деревенских, не знавшей достижений науки и техники, не ведавшей о ходе мировой истории, а жившей в остановившемся времени, и не понимали, то ли ее жалеть, то ли восхищаться ею и завидовать ей.

Что-то было в ней настоящее, уверенное и мудрое, что заставляло чувствовать себя рядом с ней маленькими и несмышленими... Ее глаза были полны смиренного достоинства и непоколебимой веры.

– Вот протопоп Аввакум оставил нам слова истинной правды: «Мы святых отцов церковное предание держим неизменно, а палестинскаго патриарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаям. – Стала читать она из принесенной книги. – ... привели нас к плахе и,

прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Читали в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба.

И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восемь и больши, да братья паки есть велели. Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Тоже, положи правую руку на плаху, по запястье отсекали, и рука отсеченная, на земле лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно.

Посем взяли соловецкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекали четыре перста!

Посем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же.

И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет.

Чюдо, как то в познание не хотят прийти: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить!»

Ребята слушали старинный слог жития, затаив дыхание. Трудно было представить, что ради каких-то незначительных поправок в церковных книгах, ради незначительных изменений обряда одни люди шли на смерть, а другие были способны жечь на кострах несогласных.

– Так вы и есть те самые староверы? Нам про вас говорили рыбаки с Оби. Получается, что у вас никакой связи с миром не было. И как давно вы так живете? – Спросил Васька.

– Наш батюшка рассказывал, что во времена раскола многие несогласные с царем и патриархом, затеявшими нововведения, уходили от преследования на Волгу, на реку Керженец. Там, на озере Светлояр в недоступных местах построен был град Китеж, и жили в нем, следуя старой вере, многие знатные и простые люди. И что даже скрывался там царский сын, первенец царя Алексея Михаил со своей семьей, которому дорога была неисправленная, не замусоренная вера.

Тогда рассерженный царь лишил его престола, а сам стал воевать Соловецкий монастырь, где 300 монахов восстали против новой веры. Шесть лет не сдавался Соловецкий монастырь, пока обманом и подкупом не взяли спящих монахов, истинных хранителей веры. Всех их по приказу царя казнили.

Одних подвешивали за ребра на железные крюки, других вмораживали живьем в лед... А спустя коротко время и сам «безумный царишко», помер весь в гное и стружьях.

Потом уже царь Петр послал свои войска на поиски града Китежа и своего старшего брата Михаила, законного наследника престола. Когда войска подошли совсем близко к граду Китежу, то город стал невидим и погрузился, рассказывают, в воды озера Светлояр. И явится на свет град Китеж только с пришествием Христа на землю. Вот. – Девчонка передохнула, аккуратно перекрестила себя двумя перстами и закончила рассказ: – А Михаил со своими сыновьями взошел в огонь и закончил свою жизнь самосожжением, чтобы уберечь невинный народ от преследований и казней.

Ребята сидели потрясенные, оглушенные и повзрослевшие, казалось, сразу на много лет...

– Вот я вам еще из протопопа Аввакума прочту, сказала, наконец, Анютка, открыв книгу на странице с березовой закладкой: – «А в огне том здесь небольшое время потерпеть, аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно? Боишися печи той? Дерзай, плюнь на нея, небось!

До печи той страх-от, а егда в нея вошел, тогда и забыл вся...».

Анютка замолчала. Над скитом стояла такая тишина, что казалось, слышно было, как растет трава и, как паук под сенью крыши плетет свою паутину.

– А как же ваши-то попали сюда? —Тихо спросил Колька, не сводя восторженных глаз с Анютки.

– Наши-то? Старцы тогда прокляли царя Петра, и весь царский род, назвав его антихристовым, и увели многих за Урал, в Сибирь, где царская воля не могла их достать. Ушли в поисках Беловодья – страны Добра, Истины и Справедливости.

– А нашли эту страну? – хотел было спросить Васька, но не спросил. Слишком много мыслей и чувств теснилось в его голове и груди.

...К вечеру в деревне стал собираться народ. Возвращались покосники, рыбаки, полесовики. Мужчины все до одного в окладистых бородах, волосы на голове удерживали берестяные обручи, на всех домотканые рубахи и порты. Женщины в вышитых сарафанах с покрытыми головами, и ребятишки, необычно сдержанные и степенные.

Народ с настороженным любопытством поглядывал на незваных гостей, ждал, когда старшие начнут разговор. Наконец, в центр круга вышел белый, как лунь, старик, опиравшийся на деревянный посох, на конце которого был искусно вырезан крест.

– Бог послал нам вестников из греховного мира, из которого мы, гонимые антихристом, ушли уже более двух столетий назад. Мы жили по священным заповедям, как жили до Великого раскола семьсот лет наши предки и наши великие святые Кирилл Белозерский и воитель Александр Невский, протопоп Аввакум и Соловецкие мученики.

Бог хранил нас от всех бед и невзгод. И теперь спрашивайте этих неискушенных грехами чад, что расскажут они о том, мире, что остался за пределами нашими.

Колька Покачев подтолкнул вперед себя Ваську.

– Ты говори. Ты уже пятилетку закончил.

Васька сделал шаг вперед. Сотни глаз были устремлены на него. И Васька вдруг почувствовал ответственность всего мира перед этими людьми, ушедшими из него от обид и унижений.

Что сделал за это время человеческий мир, чем он может погордиться? Жил ли он в любви и согласии, к чему стремились, как понял он, истинные христиане?

Васька вспомнил, что по земле за эти двести пятьдесят лет прокатилось столько опустошительных войн, столько было разрушено сел и городов, убиты, сожжены, наверное, не десятки, а сотни миллионов ни в чем неповинных людей... Он вспомнил своего погибшего в огненном пекле отца, мать, безвинно осужденную и страдающую где-то за колючей проволокой...

И ему стало не по себе. Он не знал, что сказать этим людям.

– А у нас изобрели радио, телефон и рацию. Можно в черную такую трубочку говорить, а тебя услышат за тысячу верст, – выдавил, наконец, он из себя. – Стали летать по небу на самолетах, ездить на быстроходных машинах и поездах.

Люди молча слушали. А Васька снова подумал, что все эти изобретения опять-таки работают на войну...

Беседа затянулась едва ли не до полуночи. Хозяин отвел ребят ночевать на сеновал.

– Хорошие вы ребята, – говорил он. – Оставались бы у нас. Веру бы нашу приняли, мы бы оженили вас здесь, дома бы вам всем миром поставили. Надо нам кровь свою разбавлять со стороны, а то вся деревня давно уж родня. Детей от этого много мрет, – сказал он с грустью.

– Нам, дяденька, никак нельзя, – отвечал Колька. —Нам на Шаман надо.

– Жалко вас, без веры живете, без любви, в грехе и жестокосердии...

– Как без любви? —Поперхнулся Васька. И он вспомнил сразу и маму, и девочку Лару, и Виктора Акимовича, и своих детдомовских друзей...

– А так, что без любви к Богу никакой другой любви быть не может, – отвечал хозяин. — Как протопоп Аввакум наставляет нас? «Любити Бога всем сердцем и всею душою, и всем разумом и всем помышлением... Чти родителей, прочих сродников, потом „вся человеки

во истину любви, Бога ради...“ « ...аще время привлечет и пострадать брата ради по Христову словеси, больше бо любви несть, да кто душу свою за друга своего положит...»

Васька и Колька долго лежали на сеновале и могли уснуть.

– А как ты, думаешь Колька, отец мой разве не ради любви к нам погиб на фронте... Разве не положил он душу за друга своего?

– Я думаю, Васька, твой отец был настоящим мужчиной. – А ты бы мог ради веры, ради друга своего войти в огонь и сгореть в нем? Колька долго молчал, наконец, выдохнул: – Я не знаю, Васька.

– Я тоже не знаю, Колька. Страшно даже представить. Они долго лежали молча без сна.

– А знаешь, Васька, вот я вырасту большой, и приеду сюда сватать Анютку. – Сказал Покачев. – Как ты думаешь, отдадут ее за меня?

Глава 7. Лукьянов кордон

Малолюдна эта земля. Деревня от деревни на десятки километров, стойбище от стойбища в нескольких днях езды на собаках или оленях...

Кружит над просторами ее неоглядными черный ворон, хрипло грает. Седые замшелые елки стерегут тишину, бродит таежными урманами косматый лесной человек, встает на задние лапы и рвет когтями стволы сосен и кедров, показывая свою силу и власть. Страшно попасть сюда человеку городскому, где на каждом шагу опасность, где следят за тобой напряженно сотни встревоженных глаз. Колька шел так, как будто знал это место, как пять своих пальцев. Вскоре меж деревьев образовались явные признаки тропы. Она, петляя между деревьями, вывела их к речке, на которой был устроен заезок.

Небольшая речушка была перегорожена частоколом, укрепленным еловым лапником. В этой искусственной плотине оставалось лишь малое место для прохода рыбе, а в самом проходе стояла сплетенная из ветвей ивы ловушка – морда.

Ребята обрадовались. Место явно было обжито человеком. Было видно, как в морде серебрится попавшаяся рыба. И это тоже был хороший знак.

Повеселевшие путники сразу ощутили приступ голода и по набитой тропинке пустились дальше.

Вскоре тайга стала редеть, послышалось фыркание лошади и следом залилась лаем собака. Ее веселый лай благовестом звенел в тайге, отдаваясь в самых ее дальних углах. Еще несколько минут хода, и они вышли на уютную поляну, с избушкой посреди ее, крытой еловой корой. На крыше вместо конька сидел живой глухарь, распушив хвост.

На лужайке мирно паслась лошадь, а у избушки вертелась собака остроушка, хвост которой был загнут лихим калачом. Собака бросилась им навстречу, обнюхала, не выражая агрессии, а затем, дружелюбно вильнув хвостом, повернулась к дому, словно приглашая гостей отправиться за ней.

Из избушки вышел высокий, одетый в длинную рубаху без пояса старик с седой стриженной бородой и такими же седыми стриженными под горшок волосами. Казалось, что его несколько не удивило появление в этой глуши ребятишек. И только дрогнувший голос выказал, насколько обрадовало старика неожиданное появление детей.

– Соболько, – крикнул он ласково собаке. – Что плохо гостей встречаешь?

Тотчас Соболько принялся усиленно вилять хвостом и кружиться волчком вокруг ребят, заливаясь безудержным радостным лаем.

Лошадь, пасшаяся на поляне, подняла голову и приветственно заржала, глухарь заходил взволнованно по крыше...

– Имею честь представиться, – по-военному доложил старик, подходя к ребятам. – Лукьян Северьянов, по образованию и призванию геолог, по существу охотник и отшельник.

– Василий Уралов! – Чувствуя расположение хозяина и теперь уже нескрываемую радость гостям, так же весело и радостно ответил Васька. – Ученик шестого класса Погореловской семилетней школы. Он обернулся к Покачеву. – А это вот Николай Покачев. Он мой друг. Мы вместе с ним идем на Шаманозеро. Это его родовое озеро.

По лицу старика пробежала тень.

– Озеро, говоришь, – сказал он, погрузнев. – Покачев из рода Щуки. А я знаю это озеро. И отца твоего, Коленька, Василия Андреевича, – он запнулся на этом слове, и продолжил, ласково глядя мальчику в глаза, – хорошо, Коля, знал... И тебя, Коля, видывал... Колька Покачев вспыхнул, и лицо его озарилось радостной надеждой. Старик покачал головой, помолчал. – Экая вот история приключилась. Тебя же ведь, Коля, геологи в детский дом отправили. А тебя, понимаю, снова в родные края потянуло...

Колька потупил голову.

– Ну, что же это я гостей дорогих держу у порога, смутился хозяин. – А ну, проходите в мои палаты...

Ребята вошли внутрь убогого Лукьянова жилища. В углу стояла печь-каменка, топящаяся по-черному, маленькое оконце, стол, пара лавок, дощатый топчан с овчинным тулупом, над ним полка с тетрадами и бумажными папками.

– Сейчас я сгоношу скоренько вам поесть, а уж потом мы разговаривать станем, – хлопотал гостеприимный Лукьян.

Он положил в глиняную миску мелких сухариков из полотняного мешка, залил их квасом, бросил туда пригоршню дикого лука черемши, брызнул в похлебку с птичьего перышка маслом, стоящем в глиняном горшочке на печи.

– Вот такая наша таежная еда. Прошу не осудить.

Но ребят не надо было просить трижды. Они тут же дружно застучали деревянными ложками. Лукьянова похлебка показалась им верхом кулинарного искусства. А хозяин тем временем принес на стол вяленое копченое мясо и нарезал его длинными ломтями. Мясо дивно пахло, на срезе аппетитно алено.

– Это вам на прикуску вместо хлеба. Ешьте от пуза, как говорится. А я пока чайку заварю.

Скоро они пили душистый таежный чай, все страхи минувших дней отступили, покой и тихое блаженство разливалось по мальчишеским телам и душам.

– Мы к вечерку еще и баньку соорудим! – радовался Лукьян. – А пока расскажите-ка мне, что за нужда привела вас в эту глухомань. Гляжу на вас и сам себе не верю, вы словно с неба свалились.

– Ох, дедушка Лукьян, тут такое было, такое! – округлил Васька глаза. – Мы тут такое видели, такое, что другому бы я и не поверил. Вот как! Вот вы когда-нибудь видели, что бы целая деревня жила в тайге и слыхом не слыхивала ни про революцию, ни про войну, ни про то, чего сейчас на белом свете делается? Видели, как болото дыбом встает, или как медведище страшный верхом на лосе скачет?! Лукьян понимающе покачал головой.

– Ну, об этом мы еще поговорим. А вы начните-ка сначала.

И Васька стал рассказывать про свою жизнь. Наверное, это был его первый рассказ о родителях, о самом себе, о том, как он попал в детдом, о друге своем Кольке Покачева, как бежали они в страшную грозу из приюта, решив твердо пробираться на родовое Колькино Шаманозеро, как скитались по тайге, как встретили страшного медведя, стреляли в него и потеряли все свои припасы и ружье.

Потом рассказывал Колька про свой род Шуки, про то, как они жили счастливо и как однажды произошло что-то страшное, о чем Колька знает лишь по рассказам геологов, доставивших его в детдом. И как Колька решил вернуться в родные места, чтобы отыскать родственников и поставить на озере свой чум.

Лукьян слушал ребят внимательно, не перебивая, лишь изредка покачивая головой. А когда смолкли ребята, закончив рассказ о своих приключениях, убрал со стола остатки трапезы и расстелил на нем старую истертую карту, с которой, должно быть пройдено было не мало дорог.

– Вот смотрите, что я вам скажу, – склонился Лукьян над столом. – Выговорите, что вошли в устье Кондаса и пошли вверх по течению, что бы выйти к Шаманозеру. Все правильно. Только вот тут=то у вас и вышла ошибка. Вы пошли не по Кондасу, вы до него не доплыли километров десять. Вы пошли по другой таежной речке —Стриге. А она увела вас в сторону от Шаманозера прямо на Великую Чисть. Вот, видите, какое это гигантское болото, – старик чертил по карте крепким своим ногтем, словно указкой, – По нему, должно вы первые прошли. И то хорошо, что вы его перешли поперек, а идти по нему вдоль – настоящая погибель.

Вот таким путем вы и попали ко мне. И, можно сказать, ваши усилия не приблизили вас к цели, а отдалили ее. Ведь от моего кордона до реки рукой подать. На лошади я за день обернусь. Так-то, братцы путешественники.

Покачев повесил голову. Опечалился и Васька...

– Интересно, интересно, – продолжал старик. – Однако, я вокруг болота этого хаживал когда-то давно, но вот старообрядческой деревни не находил. Слышал от стариков, что есть в тайге такое место – Светлый Уймон, а не находил его. Видимо, не каждому дается. Вот вам, чистым душам – открылся он, а я стар и много грешен.

– А где же наше стойбище? Где Шаманозеро, дедушка Лукьян? – Взволнованно спросил Покачев.

– А вот и Шаманозеро ваше. – Толстый ноготь Лукьяна скользнул по карте на север, упершись в голубое пятно, очертаньями своими походившее на щучью голову. От моего кордона до Шаманозера теперь не меньше десяти дней ходу.

Ребята пригорюнились.

– Но вы не печальтесь. – Поддержал их Лукьян. – То, что я вам расскажу, думаю, поменяет ваши планы. Я думаю и заблудились вы не зря, не зря и болото вставало дыбом, я думаю, что это, ребятки, судьба нас свела вместе. Но утро вечера мудренее, говорят. По утру все и решим, а сейчас, пойдете-ка мы в баню.

Васька с Колькой проснулись поздно. Выглянули на улицу. Роса на траве уже высохла, солнце стояло выше елей, в воздухе серебрясь летали паутинки, стояла перевозданная тишина.

Лукьян чистил у очага свежую, по всему видно только что выловленную рыбу.

– Васька, – в волнении прошептал Покачев, – гляди! Васька обернулся. У порога избушки стояли их походные мешки и бердана, потерянные на болоте.

Глава 8. На кордон пришла зима

Зима пришла в тайгу неожиданно, негаданно. Еще вчера лес горел дивным многоцветьем осени, серебристые паутины сновали в воздухе, грибы водили веселые хороводы под соснами и березами, вдоль столетних бронзовых стволов кедрача сновали неутомимые белки, запасая орехи и грибы по дуплам...

Ребята с дедушкой Лукьяном тоже трудились без устали, заготавливая впрок ягоды, грибы, рыбу... Ждали со дня на день геологов, но их все не было и не было.

Северьян еще раз съездил на Обь до поселка лесников на связь, привез мешок муки, сахара, чаю, канистру подсолнечного масла в обмен на пушнину. В тайге что ни день, пахло оладьями, которые прирастался печь Колька Покачев. Вечерами Лукьян усаживал ребят за стол и давал им уроки математики, физики, французского и немецкого языка, географии.

– Как бы трудно не было, а человек должен совершенствовать свои знания, иначе пойдет обратный процесс, и человек из высшего создания – венца природы – в два счета может снова превратиться в обезьяну. – Говорил назидательно Лукьян. – Я, думаю, вы не желаете этого?

Ребята засмеялись, а Васька прыгнул со скамьи на четвереньки и стал скакать по избушке, ухая и хоркая, подражая виденной в кино горилле. Выходило очень похоже, что даже дед Лукьян зашелся в хохоте.

– Я бы мог сказать, что в тебе природный артистический талант, – проговорил отсмеявшись Лукьян, – но, видит Бог, я не желаю тебе стать артистом, пусть даже самым знаменитым, потому что лицедейство не есть профессия для настоящего человека. Нужно не изображать героев, а становиться ими, нужно жизнь проживать настоящую, подлинную, а не сценическую. Уж поверьте мне.

Лукьян задумался, уходя мыслями в прошлое.

– А какая профессия самая, самая, на ваш взгляд? – растревожил Васька Лукьяна.

Тот вздохнул и улыбнулся.

– В любой профессии, друзья мои, нужно прежде всего быть человеком.

– Как это человеком? – удивился Колька Покачев. – Медведь не может быть геологом или строителем или учителем...

Васька снова зашелся в хохоте, представив огромного медведя с рюкзаком в больших резиновых сапогах, с ружьем и молотком в лапах, шастающего по тайге...

Лукьян усмехнулся, но отвечал серьезно.

– Конечно, медведь не может быть геологом, не может быть нефтяником, начальником стройки, а вот наоборот, бывает и причем очень часто... И тогда жизнь становится для подчиненных ему людей невыносима. Да и дела-то у такого начальника-медведя никогда на лад не пойдут...

– А что делать, если ты попал к такому начальнику в подчинение? – Посерьезнел Васька.

– А вот что я скажу. Никогда нельзя отступать. Надо идти навстречу трудностям, а не прятаться трусливо от них. Чаще всего не сила решает все, у человека есть еще ум воля, упорство, хладнокровие... Они и помогают ему выйти в неравной борьбе победителем, – сказал Лукьян, глянув на Ваську проникающим взглядом, словно ему хорошо была известна тайна Васькиного побега из детдома. – Нельзя отступать, нельзя, тем более, если это сражение идет за любимого тебе человека, – грустно, но убежденно сказал Лукьян и погрузился в свои мысли.

Васька же покраснел до корней волос...

Ночью неожиданно похолодало. Где-то далеко за тысячу километров вздохнул исполинской грудью Ледовитый океан, студеное его дыхание прошло вдоль всей Оби, проникло малыми реками по всей тайге, опалив морозом еще не успевшую пожухнуть траву.

Ночью в просветленном, подмороженном небе закружили хоровод россыпи звезд. Сияющий рогатый месяц вышел в середину веселья, важно оглядывая небесные просторы. И в это время с севера выплыло белое облако, и начало глотать яркие звезды по одной и целыми созвездиями.

Рассердился месяц, ударил своими рогами белое облако, и на землю, на кроны и шатры деревьев посыпались вдруг легкие снега...

Утром выглянули ребята в окошко и увидели волшеббно преобразившийся мир, выскочили на улицу и стали пулять друг в друга снежками.

Пришел с реки Лукьян, принес только что пойманных щук, бросил их на снег у порога. Щуки еще били хвостами, разевали свои огромные, усеянные острыми зубами пасти, протаивая в снегу землю и зеленую траву.

– Ну, что друзья. Скоро встанут реки, и на нашей улице будет праздник. Станем теперь пироги печь да гостей поджидать, – сказал с радостным волнением в голосе Лукьян.

– Что? Скоро приедут? Геологи? – Закричали ребята.

– Скоро, – отвечал Лукьян. – Теперь уж скоро.

– Ура! – Что есть мочи закричали ребята. – Ура! От их истошного крика дрогнули ветви деревьев, и снеговые шапки на них пали вниз, рассыпая кругом снежную пыль.

Прошла еще неделя. Зима окончательно утвердилась на всех пространствах Приобья. Даже болота промерзли и отвердели так, что по ним можно было ходить как по полу. Однажды днем в глубине тайги родился странный неясный звук, словно где-то там далеко кто-то подвывал и поскуливал, временами рычал и огрызался.

Первым этот звук услышал Соболюк, заволновался, глядя настороженно в лес, потом ребята услышали его и тоже заволновались, запереглядывались многозначительно. Звук этот все нарастал и нарастал. Прошло часа два, и вот уже явственно стало слышно, что тайга зажила какой-то новой, пока еще непонятной жизнью, что вот-вот и сон ее тысячелетий будет разбужен чем-то совершенно новым, неизведанным, но непреодолимо зовущим и манящим...

Вышел из избушки дед Лукьян, прислушался тоже и лицо его радостно преобразилось:

– Ну, ребятки, ликуйте. Едут наши друзья геологи! Ребятки грянули «ура» и начали восторженно носиться по поляне, увлекая с собой заливающегося радостным лаем Соболюка. Лукьян заторопился, нырнул в избушку и скоро за клубился над ней дымок, извещая о готовящемся там праздничном ужине. Ребята кинулись на помощь Лукьяну. Колька Покачев тут же принялся застряпню, затворив сибирские олады, Васька носил дрова и воду, дед Лукьян извлекал из кладовых соленья и копченья.

Глава 9. Стальной соперник

Ближе к вечеру промороженный лес уже стонал от грохота железных моторов, звук их раскалывал воздух и проникал, казалось, в самые отдаленные уголки тайги. Испуганные звери, преодолевая страх неизведанного, настороженно всматриваясь в чащобу: что это движется и мнавстречу толипогибельных, то ли пожива? Барсуки и медведи храпели по своим норам и берлогам, не видя и не слыша прихода новых обитателей тайги.

Но не все, кому положено в это время видеть сны, спали. Огромный медведь с косым шрамом через левый глаз, с зарядом васькиной дрови уже заплывшей жиром, бодрствовал. Он слышал рождение новых звуков в тайге, ловил резкие запахи гари, распространявшиеся на многие километры, оставляемые на пути пришлого соперника, и с каждой минутой беспокойство все сильнее и сильнее одолевало его.

По закону медвежьего рода он не должен допустить в пределы свои соперника. Здесь только он, самый сильный и самый грозный мог вершить над бегающей, летающей и ползающей тварью свой страшный суд: кому стать его добычей, а кому еще бегать, летать и ползать, нагуливая до поры до времени тело и жир. Старые раны, нанесенные ему человеком, болели и свербили, требовали отмщения...

Он не мог спать, не мог жить прежней медвежьей жизнью. Он встал на тропу войны. Слыша новые звуки и запах солярного перегара, он раздувал ноздри, вставал на задние лапы, выпускал когти и, грозно рыча, срывал ими на высоте почти трех метров кору с сосен и кедров. Если бы в эти края зашел его соперник, то прежде чем вступить в борьбу с хозяином территории, он должен был помериться с высотой заданной метки.

Если ты меньше и не в состоянии на такой же высоте драть с деревьев кору, то тебе и думать нечего о соперничестве. Ступай своей дорогой, ищи не занятые места... Этими метками была помечена огромная территория, которую считал он своими владениями. Но похоже незванный гость перешел границу, пренебрег законами тайги и теперь нужно было вступить с ним в сражение.

Медведь взревел, что есть мочи, и тайга разнесла на многие километры этот леденящий кровь боевой клич. Огромными прыжками бросился лесной человек навстречу сопернику, горя желанием уничтожить его, разорвать на клочья, пролить горячую кровь его на холодный искристый снег.

Могучие мышцы его перекачивались под шкурой, покрытой длинной лоснящейся шерстью, стальные когти легко вспарывали моховой покров и промерзшую землю, Комья земли и ошметки кочек веером летели по за ним, встречные мелкие деревца и сухостоины, попавшиеся на пути, ломались, как высохшая трава...

Словно артиллерийский снаряд пролетел он болото, речку, сосновую гриву, выскочил на берег озера, утробно ревя, И тут в грохоте, лязге, сиянии огней появилось чудовище, при виде которого шерсть на медвежьем загривке встала дыбом. Он попытался остановиться, но инерция была велика, и он проехал на лапах метров десять, едва не угодив под ревушее и грохочущее, исторгающее жар и смрад чудовище, превосходящее многократно его размерами и силой.

Глаза чудовища горели огнем. И огонь этот был настолько велик и силен, что от него загоралась едва ли не вся тайга, он исторгал страшный рык и рев, перекрыть который медведь был не в силах, он тащил по за собой, как змей огромный хвост, и на хвосте этом сидели люди, которые кричали и махали руками, показывая на хозяина тайги...

Потрясенный медведь рывкнул, сделал громадный прыжок в сторону и повержено бросился под кров тайги. Он летел, не разбирая дороги, слыша только грохот и лязг, ноздри его

ловили дурманящий запах сгоревшей солярки, а в глазах отражались сполохи огня, игравшие над сумеречной тайгой.

И только ночью, лежа под гигантским еловым выскирем, вывернутым из земли летней грозовой бурей, пришел «лесной человек» в чувство после этой встречи. Вместе со стремлением уйти, спрятаться в чаще в самом дальнем таежном углу, родилось желание следовать за этим чудовищем, стать умнее и коварнее, подстеречь его, выкараулить, нанести удар, переломить хребет и выпустить дурную кровь из агонизирующего железного тела...

В сумерках, проламываясь через мелколесье, на кордон прибыл геологический поезд. Передовой грохочущий трактор на широких гусеницах тащил за собой сани, на которых была установлена цистерна с горючим, на других санях стоял жилой вагончик, второй трактор тащил в сцепке пару саней с оборудованием и прочим снаряжением для строительства площадки и установки буровой.

Лукьян с ребятами по русской традиции встречали геологов хлебом солью. Стихли дизели, и над поляной повисла было перевозданная тишина. Но тут отворились двери вагончика и на снег, словно горох со смехом и шутками посыпался веселый молодой народ. Распахнулась кабина трактора и на широкую гусеницу ступил крупный мужчина в собачьих унтах, дубленом полушубке и мохнатой шапке. Веселые голубые глаза его сияли, скуластое лицо озаряла радостная улыбка. Он легко спрыгнул на землю и сгреб в свои объятия Лукьяна.

– Ну, батя, ты все-таки дождался. Теперь-то мы отсюда без фонтана не уйдем.

– Не уйдем, Иван Тимофеевич! Тут она нефть, тут. Я ее носом чую. – Радовался Лукьян, обнимая приезжего человека.

Лукьяна Северьянова и ребяташек уже окружили геологи, тормозили их, протягивали руки, знакомясь.

– Гляди, гляди, Васька, – Колька Покачев показывал на молодого парня, возившегося со сцепкой у трактора. – Узнаешь? Это же Костя Пирогов! Рыбак с Оби. Он нам еще берданку дал.

Действительно, ошибки быть не могло. Это был их Костя. Васька даже подпрыгнул от радости и завопил во все горло:

– Костя! Костя! Иди скорее к нам!

Широко улыбаясь, Костя шагнул навстречу.

– Ну, здорово, братцы-кролики! Каково зимуете?

– Вот уж не ожидали тут тебя встретить! —радовался Васька.

– А я вот ожидал, – сказал Костя, показывая, казалось, сразу все свои зубы. – Берданку хотел вернуть. Не потеряли?

– Нет, берданка цела. Она нас от смерти, можно сказать, спасла. А откуда ты знал, что мы у деда Лукьяна?

– От деда Лукьяна и узнал. Он тут за вас хлопотал все, ездил в поселок, справки наводил, в детдом звонил, усыновить вас хотел, что ли? Да не дают ему, вроде как. Стар, говорят. – Костя махнул рукой. – Ну, да время придет он вам сам все расскажет. – Он обхватил ребяташек и стал тискать их радостно. – Не бойсь, ребята, не пропадем. Мы вас сынами буровой сделаем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.